

Отзыв официального оппонента

на диссертацию **Владимира Павловича Богданова**

«Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV–XVIII вв.)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Владельческие и читательские записи давно находятся в поле зрения гуманитариев, но именно исследователи рукописной и печатной книжной традиции подняли вопрос о принципах их научной классификации и с 1980-х гг. применяют подход, разработанный И.В. Поздеевой. Вместе с тем каталогизация и оцифровка книжных собраний сегодня создают принципиально новую ситуацию. Быстрый рост массива данных расширяет круг специалистов, заинтересованных в изучении старопечатной книги как памятника письменности и одновременно как полноправного участника социальных взаимодействий.

В этом контексте диссертационное исследование В.П. Богданова предстает полностью отвечающим *актуальной научной задаче* – определение места записей в системе источников ретроспективной информации. Его *новизна* определяется тем, что впервые предпринята попытка, с одной стороны, показать перспективы использования таких текстов для реконструкции российской книжной культуры в долговременной перспективе, с другой – раскрыть их потенциал как «поливидовых письменных источников».

Это потребовало от автора знакомства с исследованиями, формально имеющими одно предметное поле – напечатанную кириллическим / церковно-славянским шрифтом книгу, в действительности различающимися понятийными аппаратами, целевыми установками и подходами к отбору и анализу источников: а) истории русского книгоиздания, изучающей этапы и

репертуар государственного и частного книгопечатания; б) истории научной каталогизации и поиска оптимальной модели представления книжного экземпляра во всей полноте его базовых («типографских») и приобретенных в процессе бытования признаков; в) социальной истории групп и сообществ, включенных в процессы приобретения и/или распространения книжной продукции.

Соединение результатов этих исследований в источниковедческой работе представляет самостоятельную сложность, особенно учитывая неустойчивость и вариативность терминов, которыми описываются записи. Вводная часть диссертации показывает, что В.П. Богданову удалось преодолеть эти разрывы и убедительно обосновать концепцию, историографические ориентиры своего исследования и представить области применения исторических и источниковедческих методов.

Особо отмечу основательность подхода диссертанта к составлению источниковой базы исследования. Используя материалы 13 научных каталогов, В.П. Богданов включил в нее 15880 записей, сделанных в период с 1575 по 2008 гг. на 5102 экземплярах старопечатных кириллических изданий. Этот корпус данных показывает записи как феномен сложной природы, где чтение и рецепция прочитанного не являются единственными и даже определяющими причинами их появления. Один и тот же книжный экземпляр в разные периоды «своей истории» может выступать частью политических и торговых коммуникаций, быть формой пожалования и благословения, стать объектом коллекционирования и экспонирования.

Многослойность и фрагментарность информации записей делает объяснимой дробную структуру диссертационного исследования, автор которого ставит перед собой цель – найти закономерности в крайне разнородном материале, ранее использовавшемся в узко заданных хронологических и тематических рамках или в дополнение к другим видам письменных источников.

1-ая глава (*«Записи на книгах в контексте информации об издании и экземпляре: опыт создания базы данных»*) в авторской логике должна создать фундамент для последующих рассуждений.

Следует отметить ряд моментов, позитивно характеризующих исследовательские компетенции диссертанта и предлагаемую им аналитическую модель. Во-первых, изложение «техники перевода» текстовой информации каталога в данные для количественного анализа сопровождается экскурсом в историю комплектования архивохранилищ. Во-вторых, в предлагаемом алгоритме фиксации записей учтено, что их информационная отдача возрастает лишь в том случае, если классификация по функциям и жанрам будет дополнена сведениями о типах и видах изданий. В-третьих, на основе предшествующей историографии рассмотрена правомерность отнесения записей к «массовым историческим источникам» и аргументирован тезис о близости актовым материалам, как минимум, в части, связанной с практиками распоряжения старопечатной книгой. Наконец, на примере вспомогательных исторических дисциплин показан спектр научных задач, которые могут быть решены с помощью агрегации записей в базу данных.

Исходя из этого, не возникает сомнений в том, что сформированный В.П. Богдановым источниковый корпус (даже при указанных автором погрешностях с установлением связей между группами записей) является *репрезентативным и достаточным* для реализации задач, заявленных во Вводной части диссертационного исследования.

2-ая глава (*«Социальные и географические аспекты бытования экземпляров старопечатных кириллических изданий»*) наглядно показывает преимущества дифференцированного подхода к понятию «старопечатная книга». «Дониконовские» издания, издания второй половины XVII и XVIII веков при внешнем, «родовом» сходстве являются продуктом разных культурных инициатив, и это дает дополнительные исследовательские

возможности для понимания в каких социальных средах дольше сохраняются традиционные формы обращения с книгой и как именно проявляют себя изменения. И здесь трудно не согласиться с В.П. Богдановым, считающим записи одним из самых точных индикаторов этих процессов.

К числу *имеющих научное значение* выводов раздела относится, прежде всего, тезис о существовании 10 центров книжной культуры. Хотя автор не вполне ясно излагает критерии их выделения (соотношение данных о топонимах, катойконимах и торговле книгами остается непонятным) и не предлагает сопоставимых результатов своих изысканий (например, отличительным признаком Северного центра названо книгоиздание, а Вятско-Уральского – «демократичность книжной культуры»), следует признать, что количественный анализ записей действительно помогает установить направления книжных миграций и региональные особенности в религиозных и светских практиках обращения с типографской продукцией XVI–XVIII вв.

Особую ценность имеет параграф, посвященный «охранным формулам». В.П. Богданов аргументировано обосновывает их классификацию исходя из содержательных различий текстов-наказов, -запретов и -проклятий и, самое главное, определяет хронологические рамки их существования как самостоятельного явления книжной культуры.

Признавая *перспективность заявленных подходов* к интерпретации информации записей, все же выскажу несколько замечаний о представленных в этом и предыдущем разделе диссертации результатах их применения.

Первое относится к почеркам, которые позволяют, по мнению В.П. Богданова, соотнести запись с регионом (Т.1. С. 152). Это уязвимое для критики суждение, например, запись южнорусским вариантом скорописи ничего не говорит о месте, где она сделана: перемещались не только книги, но и люди, и первые поколения сибирского духовенства – выходцы из

Малороссии – писали именно так, как были обучены. Второе замечание касается причин расширения ареала бытования «охранных формул» в 1575–1620-е гг. Автор справедливо указывает, что традиция ограничительных предписаний сформировалась в рукописной книжности, но при этом полагает, что ее перенос на печатные книги религиозного содержания свидетельствует об их «менее сакральном» восприятии (Т. 2. С. 107). Довод представляется спорным с учетом большого числа исследований, продемонстрировавших на русском и европейском материале трудности вхождения в обиход печатной книги и настороженное отношение к ее механизированному производству (труды И.В. Поздеевой, Е.Л. Немировского, Р. Шартье, М. Маклюэна и др.). Поэтому появление «охранных формул» в сопоставлении, например, с имитациями орнамента рукописей в печатных изданиях вплоть до 1677 г. (см. статьи А.С. Зерновой) свидетельствуют о том, такие речевые обороты тоже могли выступать способом легитимации печатной книги. В этом смысле распространенность таких записей в церковной среде объяснима – черное и белое духовенство на первых порах было главной целевой аудиторией русского книгопечатания. Наконец, не вполне обоснованным (или некорректно сформулированным) выглядит вывод о том, что резкое сокращение в XVIII веке доли дворянских вкладов «привело к активизации других слоев населения: купечества и крестьянства» (Т. 2. С. 131). Это несвязанные процессы, и математически измеримый дисбаланс записей с упоминанием социального статуса вкладчиков не означает, что книжная культура функционирует по принципу обратно пропорциональной зависимости.

Научные результаты 3-ей главы (*«Структура книжных собраний в отражении записей на книгах»*) есть смысл рассматривать в двух измерениях – методическом и практическом.

Заслуживает особого упоминания предлагаемый В.П. Богдановым алгоритм дополнения информации записей сведениями других источников

(описей, документов инвентаризации и приема книги в хранилище). Оценивая его научное значение, отмечу, что процессы складывания библиотек в России изучены неравномерно.

Например, с высокой степенью детализации воссозданы этапы формирования монастырских и частных собраний, уточнены их региональные и социальные параметры. Этот же вывод можно отнести к старообрядческим общинным библиотекам: анализ внешних и внутренних взаимодействий староверов обычно проводится с учетом информации о рукописных и печатных книгах, которые находились в постоянном владении или временном пользовании религиозной группы. В то же время авторским вкладом их в изучение можно считать доказанную возможность использования информации записей для характеристики коллективных книжных предпочтений старообрядческих деноминаций (согласий и толков).

Приходские библиотеки представляют собой более «закрытое» явление. С этим связаны попытки определить, хотя бы гипотетически, их состав в разные исторические периоды. Противоречия в исследовательских реконструкциях повышают значение наблюдений В.П. Богданова о книжном собрании церкви Похвалы Пресвятой Богородицы (с. Орлинское), сформированном не только вкладами семьи Строгановых, но и действиями причта и прихода. Квалифицированно подобраный кейс позволил автору на основе записей описать нюансы политики по изъятию и замене дониконовских изданий, охарактеризовать технику комплектования, освидетельствования и сохранения книжного фонда и объяснить растущий интерес прихожан к четьей (в том числе католической по происхождению) литературе. Эти данные, представленные в диссертации в систематизированном виде, несомненно, в дальнейшем станут методическим основанием при изучении приходских библиотек в удаленных от центра регионах.

Наиболее дискуссионными, на мой взгляд, являются результаты диссертационного исследования в 4-ой и 5-ой главах (*«Светские социальные группы XVI–XX вв. в отражении записей на книгах»* и *«Духовенство XVI–XX вв. в отражении записей на книгах»*). Поскольку разделы выполнены в одной логике, есть смысл оценивать их материалы как единое целое.

В этих разделах В.П. Богдановым сделан ряд существенных и перспективных выводов относительно способностей записей в некоторых случаях компенсировать отсутствие материалов делопроизводства и эго-документов. Автор продемонстрировал, что этот источник информации дает возможность, во-первых, восстановить имена игуменов, дьяков и подьячих XVII века и реконструировать их происхождение, карьеру и социальные связи; во-вторых, определить варианты вертикальной и горизонтальной мобильности сельского и городского населения в XVIII–XX вв.; в-третьих, атрибутировать дефектные экземпляры. Последнее подтверждаю собственным использованием материалов Приложения № 14: перечень сотрудников типографий, оставивших подписи на допущенных к распространению книгах, помог мне установить даты выхода одного из московских изданий «Книги житий святых» Дмитрия Ростовского.

Вместе с тем при прочтении возникают вопросы к сформулированной автором целевой установке этих глав (Т. 3. С. 2) – рассмотреть, «как выявленные в историографии системы из сферы социальной истории прослеживаются на материале записей». Какой смысл это имеет? Записи должны подтвердить существование уже известных светских и духовных групп, должностных позиций и статусов? Но в чём же тогда заключается их «полезность для изучения социальной истории», в частности, дают ли они новое или уточненное знание о «структурах групп, особенностях их жизненного уклада, формировании некоторых институтов и т.д.»?

Далее оказывается, что поливидовая природа записей на старопечатных книгах не делает их самодостаточным источником информации при изучении

этих сюжетов. В.П. Богданов пишет, что ему удалось выявить все указанные Г.Г. Котошихиным семьи высшей аристократии XVII в., найти упоминания всех слоев, описанных российским законодательством XVII–XIX вв., подтвердить все выводы историков о монастырском, приходском, городском и крестьянском управлении. Даже там, где речь идет о вышедших из употребления наименованиях авторов или героев записей, проблема снимается обращением к словарям. Например, «неясность отличий» между «путным» и «простым» ключником, о которых пишет автор (Т. 3. С. 55), становится понятной из справочной литературы: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. С. 1738–1739; Словарь древнерусского языка XI–XVII в. Вып. 21. М., 1995. С. 63.

Представляется, что записи владельцев и вкладчиков старопечатной книги действительно являются важным источником при изучении социальных трансформаций, но совсем не тех, которые пытается отыскать с их помощью автор. Предположу, что эти противоречия порождены ориентацией В.П. Богданова на книговедческое определение «книжной культуры» как «спектра официальных учреждений и неформальных сообществ, образующих систему книгооборота, книгопотребления и формирующих устойчивое взаимодействие автора и читателя посредством книги» (Т. 1. С. 7–8). Оно пригодно для объяснения непосредственно связанных между собой явлений «здесь и сейчас», но не является инструментальным, если ставится задача раскрытия социальной динамики на временном промежутке почти 400-летней длительности. Показательно, что эти нестыковки ощущает сам автор, высказывающий в ходе изложения диаметрально противоположные суждения о продуктивности привлечения записей для научного анализа макросоциальных изменений.

При этом сам В.П. Богданов на материалах разделов неоспоримо доказывает, что записи на старопечатных изданиях являются валидным

источником ретроспективной информации при реконструкции механизмов формирования православных ландшафтов и объяснения, почему перерастание локальных сетей в надрегиональные в ходе имперского строительства осуществлялось помимо прочего с помощью традиционной формулы – «купи и отдай книгу». Они незаменимы, и здесь вновь соглашусь с В.П. Богдановым, при сравнении моделей социального позиционирования известных аристократических, купеческих и ничем не примечательных мещанских и крестьянских родов.

Вместе с тем, было бы несправедливым по отношению к автору диссертации адресовать выше сказанное ему персонально. Исследование В.П. Богданова является новаторским по цели и пилотным по содержанию. С одной стороны, оно вводит в научный оборот гигантский корпус источников «двойного назначения» – сами записи и научные каталоги, в которых они зафиксированы; с другой – определяет параметры количественного анализа записей для диагностики тенденций развития книжной культуры и, тем самым, задает направления дальнейших исследований и научных дискуссий.

Во-первых, диссертационное исследование В.П. Богданова показывает настоятельную необходимость адаптации терминологического аппарата книговедения к задачам источниковедческого и исторического исследования записей на книгах. Возможно, в будущем именно размышления автора о типологических отличиях структурной и выраженной информации поливидовых исторических источников (Т. 1. С. 221) выступят в таком качестве.

Во-вторых, оно расширяет источниковую базу для изучения книгопечатания как технологической революции, изменившей общество Западной и Восточной Европы. В России именно XVII, XVIII века стали временем привыкания к новому облику и содержанию книги, временем освоения ее производства в промышленных масштабах. Возможно, этот контекст позволит В.П. Богданову вернуться к своей гипотезе о

существовании связи между изменениями в культуре записей и событиями политической истории и, в частности, понять, были ли выявленные им модификации книжной культуры в 1860-х гг. следствием перехода к индустриальному обществу или скрытыми циклами «переваривания» технологического новшества, лишь совпавшими с Великими реформами.

В заключении необходимо отметить, что представленное к защите исследование выполнено на высоком научном уровне и с использованием современных аналитических подходов и методов. Диссертационное сочинение подтверждает умение автора работать с историческими источниками сложной, поливидовой природы, инициировать научную дискуссию и формулировать новые научные гипотезы и положения. Выводы диссертационного исследования *актуальны, достоверны, аргументированы, имеют научную и практическую значимость.*

Результаты, полученные в ходе многолетней работы над темой диссертационного исследования, отражены в 56 научных публикациях, в том числе: в 22 статьях в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ; в 5 статьях в журналах из перечня изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России; в 20 статьях в специализированных выпусках и сборниках материалов конференций; в 9 сборниках, представляющих публикации исторических источников.

Подготовленные В.П. Богдановым *научные публикации отражают основные выводы диссертационного исследования. Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию.*

Диссертация В.П. Богданова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям,

определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Богданов Владимир Павлович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории Факультета исторических и политических наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Дутчак Елена Ерофеевна

Контактные данные:

тел.: +7-903-915-14-52, 8(3822)785212, e-mail: dee010@mail.ru

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Тел.: 8(3822)529585, 8(3822)785212, e-mail: rector@tsu.ru.

Подпись Дутчак Е.Е. заверяю:

Подпись удостоверяю
Ведущий документовед
Андренко И.В.

И.В. Андренко